

Новая 1993-2002 - 4-7 июля - арт

— Отчего же ты выбрал Щепкинское училище?

— Так Бог распорядился. Не хотелось блага, как актерскому ребенку. Хотелось проверить себя без «костыля» фамилии. «Щепка» — самый далекий от семьи институт. Оказалось, что попал на лучший курс к лучшему педагогу Аллену Гавриловне Солнцевой.

— Как после «Щепки» ты оказался во МХАТе?

— Вoley случая. Во сне представить себе не мог, что попаду в «святая святых». Одной ногой я уже был в Малом, ведь ребром стоял вопрос об армии.

— Кажется, вы показывали с партнершей Катей Королевой отрывок из «Обрыва». Что же сказал Ефремов?

— «Мы хотели бы, чтобы вы работали в нашем театре, потому что ваш способ существования на сцене нам близок...» Дело в том, что Солнцева училась во МХАТе у Топоркова. Это, кстати, очень по сердцу Табакову, тоже ученику Топоркова. На сцене между нами возникает особая невидимая связь.

— В общем, на некрепкие еще актерские плечи свалилось сказочное везение. Главная сцена страны, да еще сразу Освальд Ибсена. В двадцать лет выпала одна из сложнейших ролей в мировом репертуаре.

— Думаю, я ее так и не сыграл. Для подобной роли нужно быть взрослее, иметь «горб» опыта. И сегодня я еще не готов. Вот лет пять еще...

— Но переиграл ты уже достаточно. Какие роли стали поворотными?

— Наверное, Адуев в «Обыкновенной истории» в «Табакерке». Самый важный момент, первая роль, к которой я уже осознанно пришел. Но предступенью был «Ю», спектакль Каменьковича по пьесе Оли Мухиной.

Пьеса — яркая и любопытная. Как у Чехова: семь пудов любви и совершенно никакого взаимопонимания. Все персонажи существуют в режиме монологов. Бероев там — Дмитрий. Трудно сказать: кто он и откуда. Возникает, как сквозняк, в московской квартире и играет безоглядную любовь как единственный способ существования. Вне притяжения обязанностей, семейных уз. В финале герой Бероева отбегает от старинного московского дома... на балконе. Он все-таки вырвался...

— Что общего между легким импрессионизмом Мухиной и густым, сочным «передвижничским» реализмом Гончаровского Адуева?

— С «Ю» началось сознательное самоощущение в профессии, в театре. Табаков приметил меня именно в «Ю». Целый год снимался до

этого. Шесть фильмов. В одно время бывало до четырех параллельных проектов. Но эта гонка, пусть на долю какую-то, прибавила уверенности, знания, наглости. В профессии безумно важно, когда ты в себе уверен.

— «Про что» был твой Адуев? Чем отличался от давнего, табакковского?

— Дело не в Табакове и не во мне. А в том, что это текст на все времена.

— Но, как любая классика, отвечает на вопросы конкретного времени.

— Пришли и стали хозяевами жизни мальчишки-мутанты, способные купить все вплоть до Кремля.

— Они прошли свой недолгий путь быстрее, легче Адуева, прямо на наших глазах.

— Этим и отличается мой герой от табакковского. Надо расспросить, кстати, его поподробней: «про что» он играл. Когда мой Адуев говорил: «А век-то, откровенно сказать, хороший. Мне он нравится. Наш век», я вспоминал, что один мой знакомый хотел купить вагоностроительный завод. Другой мечтал о метро.

— Ты можешь словами Адуева сказать так о своем веке?

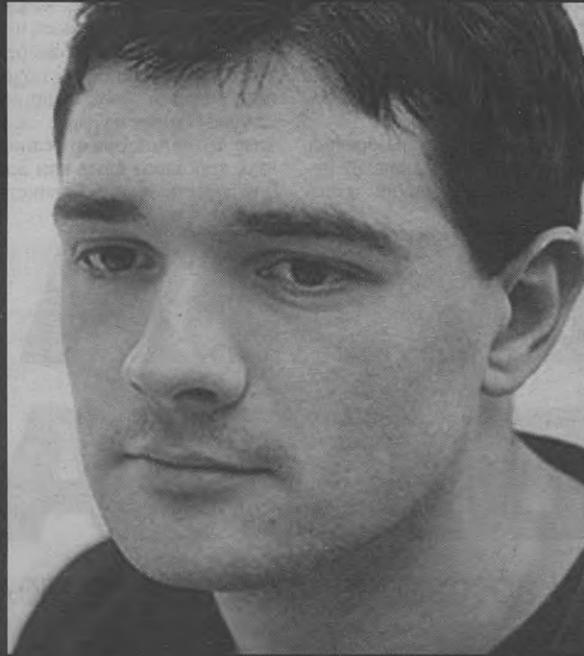
— Вот давал я интервью НТВ. Меня спросили про виртуальный секс...

— Было конкретное предложение?

— Нет, разговор шел про любовь. Про болезнь мира, которая сейчас над нами висит. Виртуальный секс, духовность, всаженная в вены иглой интернета. Чувства, закодированные шифром. Такая хитрая подмена. Наверное, я отстал от всего такого. В прошлом застрял, где стараешься сохранить нормальные человеческие отношения. Ответственность за то, что ты — мужчина. А сегодня сцена (и жизнь) инфантирована особой болезнью: мужчина и женщина превращены в беспольные существа, сами не понимающие, кто они.

Все статьи о молодом актере Егоре Бероеве начинаются с его генеалогии. С деда — майора Вихря, мужественного и в то же время интеллигентного разведчика. Эта роль превратила вмиг Вадима Бероева в народного актера. Звезда Вихря—Бероева зажглась благодаря одному из первых отечественных многосерийных фильмов. По странному стечению обстоятельств спустя десятилетия звезда внука майора Вихря, актера Художественного театра, тоже вспыхнула прежде всего благодаря сериалам. Мы включили РТР и смотрели «Семейные тайны», переходили на первую кнопку, где завершались «Пять углов», щелкали НТВ — «Гражданин начальник».

И везде, словно стесняясь настырности, на нас смотрели внимательные, насмешливые глаза Бероева-младшего: «Ну вот, и снова с вами»

Егор БЕРОЕВ:

«Люблю, когда не про мышей, не про уродов, не про клонов. Про людей»

КОРНЕТ ЕЛАГИН, ВНУК МАЙОРА ВИХРЯ

«Гримируюсь, уже начинаешь играть...»

«Обыкновенная история» (Театр-студия О. Табакова)

«Лесная песня» (МХАТ)

— Для нового поколения не боишься показаться старомодным?

— Может, в силу возраста я максималист. Надеюсь остаться им как можно дольше. Раздражаюсь, когда говорят с ужасом: публике это не понравится. Не моя профессия — угрожать. Угладывать чаяния зрителя — профессия продюсера. Задача актера — идти против толпы, которой нравятся виртуальные чувства, пошлые шутки.

— Помню, как на тебя набросились на дневном ток-шоу по поводу твоей сериальной «зависимости». Бессмысленный получил разговор. Считаю, неверно упрекать артиста, желающего работать... Иной раз неплохой сериал для исполнителя — серьезная альтернатива плохому кино. Наверное, самой яркой работой на экране стал твой сын банкира в «Семейных тайнах», мотыга, погибающий от наркотиков.

— Мне кажется, точнее получились первые серии «Гражданин начальника».

— Но сериальным актером быть не хочется.

— Зато популярность легкая, сразу узнают, в театр «идут на Бероева».

— А мы не ищем легких путей. Вот в кино не получалось, хотя были работы. Скоро выйдет новая картина «Игра в молерн» по Бунину. История корнета Елагина. Замечательный оператор Юрий Клименко. Не уверен в результате, потому что фильм переделывался многократно. И история изменена. Ведь Елагин — кривоногий, рыжий, маленького роста...

— Конечно, а Бероев — высокий и статный. Но вот не задумывался ты: как бы сменить амплуа романтического героя?

— Начнем с того, что в любой работе я ишу момент слома, неожиданности...

О больших ролях, работа над которыми только начинается, боюсь говорить. Но скоро выйдет фильм «Дикий табун», снимающийся на Украине. Потом начнутся съемки картины об истории любви молодого парня и взрослой женщины... В сценарии есть в чем актеру купаться. А в «Диком табуне» мой герой — депутат, политик. Там любопытно следить, как человек думает, как меняет его система. Как пытается вырваться из плена связей, череды дурных поступков.

— Расскажи про Павича, о нашумевшем спектакле «Вечно и еще один день».

— Вначале, признаюсь, хотел отказываться от роли. Далеко я от Павича... У него так притчево, сложно, философски запутано. Крупно настолько, что «лица не увидеть». Любовь существует как философское понятие.

— А ты в спектакле кто?

— Я там гомункулус. Теперь так меня и обзывают в статьях. Не человек — балканский голем из глины.

чество присуще женщине. В одном из спектаклей я — голый. Три месяца приводил в порядок себя, чтобы «нарисовался» рельеф мышц. Перед спектаклем долго сижу у зеркала, пытаюсь познать лицо. Процесс наложения грима — уже начало соприкосновения, погружения в характер. Начинаю мимировать по-другому. Требование профессии — следить за полнотой шек. Как и желание понравиться режиссеру. Особенно если сценарий интересный. Но все делаю с учетом своих позиций.

— Розанов боялся заходить в примерку к актеру, боясь увидеть там Пустоту. Роль опустошает. Актеры часто говорят чужими словами и в жизни. Ты не боишься опасности стирания личности?

— Даже когда выхожу на сцену, я остаюсь Егором. Или Егором, который играет Освальда.

— Но как сохранить себя?

— Иметь голову на плечах. Иногда в попытке разобраться слишком серьезно к себе относишься. И все же... Великолепный драматург и режиссер Евреинов хорошо сказал: роль создает характер человека так же, как человек создает характер роли. У него была теория «новой маски». Идея игры в жизни и жизни — на сцене.

Тема перевоплощения неправильно, примитивно понимается сейчас. Как и система Станиславского.

— О коридоре ролей. Выстраивал ли ты в перспективе свою «обязательную» программу: Ромео—Гамлет—Лир или так: Трелев—Тригорин—Дядя Ваня?

— Ромео хотел бы сыграть. Жаль, поздно. Зато сыграл Меркуцио в спектакле «Джульетта и Ромео» по крайне сложной пьесе Клима, ученика Анатолия Васильева. Настоящая лабораторная работа». Что касается классики, сейчас предстоит Островский, пока не стану говорить, что именно. И, скорее всего, Звездич в «Маскараде».

— Легко представляю тебя Глумовым, а вот Бальзаминовым — нет, хотя, думаю, это много интереснее.

— Но я играл уже и Кочкарева, и снова хотел бы сыграть. Вот угадай, кем я был в «Бесприданнице»?

— Паратовым.

— Совсем наоборот — Карандышевым. Вообще страсть как люблю Островского.

— Это голос «Щепки», Дома Островского, стучит в твоём сердце.

— Другое. Ответы на многие сегодняшние вопросы. Вот нашел удивительную пьесу болгарского автора про деревню. Представляю, кто может играть, ставить.

— Продюсерская идея?

— Продюсер у нас, скорее, Ксюша (жена актера — Ксения Алферова. — Л.М.). Я ближе к режиссерскому взгляду на вещи, воображаю, как все должно быть. Гола два пройдет, возможно, поступлю на режиссерские курсы. Шикарная пьеса, колоритная, с массой характерных ролей. Люблю, когда не про мышей, не про уродов. Про людей. Для людей. Не про клонов...

Что бы там ни говорили, Егор непохож на деда. Внешне. Вот только пристальный смеющийся взгляд на сугубо серьезном лице, манера говорить честно, обстоятельно, без актерского пафоса, наигрыша. И еще: отсутствие страха выглядеть старомодно-мужественным в наше бесполое время. Но ведь точно заметила лучшая из актрис Нонна Мордюкова: «Искусство — это и есть торжество пола».

● Лариса МАЛЮКОВА

Бероев Егор

4-7.7.02